

© 1991 г.

И. С. Вдовин

**В. Г. БОГОРАЗ-ТАН — УЧЕНЫЙ, ПИСАТЕЛЬ,
ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ**

(К 125-летию со дня рождения)

О Владимире Германовиче Богоразе (1865—1936 гг.), исследователе языков, фольклора, материальной и духовной культуры народов Северо-Востока Сибири, преимущественно чукчей, написано значительное число обстоятельных статей и исследований. В них с достаточной полнотой раскрыта и оценена научно-историческая значимость его трудов для русской и советской этнографии, для мировой гуманитарной науки. Работы В. Г. Богораза-Тана имеют первостепенное значение для истории культуры северо-восточных палеоазиатов, для определения их места в современной систематике народов мира. Его исследования содержат огромный материал по языку народов Северо-Востока Сибири, их фольклору, вообще по всему комплексу явлений культуры, общественным отношениям, религиозным представлениям, шаманизму, связям и взаимоотношениям с соседями по состоянию на конец XIX — начало XX в. Все современные ученые, занимающиеся историей и культурой чукчей, коряков, азиатских эскимосов, начинают свои книги и статьи с упоминания трудов В. Г. Богораза, опираются на сведения, собранные, систематизированные и обработанные им.¹ Свои усилия и поиски В. Г. Богораз направлял прежде всего на накопление фактических материалов, характеризующих наиболее существенные черты трудовой и социальной жизни аборигенов. Все это делалось с глубоким проникновением в мельчайшие подробности и детали предметов их материальной культуры и духовных традиций. Таким образом достигалась убедительность обобщений, что порождало у читателей полное доверие к его данным. В его трудах по этнографии чукчей поражает глубина и всесторонность видения всего комплекса культуры, всей системы жизнедеятельности народа, связи материального и духовного, что прослеживается через понимание и толкование ими окружающих явлений в природе и обществе. Успех автора был обеспечен доскональным знанием языка, умением понимать, какое содержание вкладывали чукчи в свои представления об окружающем их мире. В этом одно из главных, наиболее существенных достоинств этнографических трудов В. Г. Богораза. Они служили и будут служить одновременно первоисточником и образцом этнографического исследования, отличающегося исчерпывающей полнотой, конкретностью изложения, исторической определенностью и достоверностью.

Начало научно-исследовательской деятельности В. Г. Богораза в 90-х годах прошлого века было достаточно случайным.

В 1889 г. после почти трехлетнего заключения в Петропавловской крепости он был сослан на 10 лет в Среднеколымск за активное участие в деятельности партии «Народная воля». Помимо повседневных бытовых забот, определявших условия жизни ссыльного, В. Г. Богораз, любознательный и деятельный, вскоре начал изучать язык и культуру русского старожильского населения, а также юкагиров, эвенов и чукчей. Здесь он занялся и предметом, который

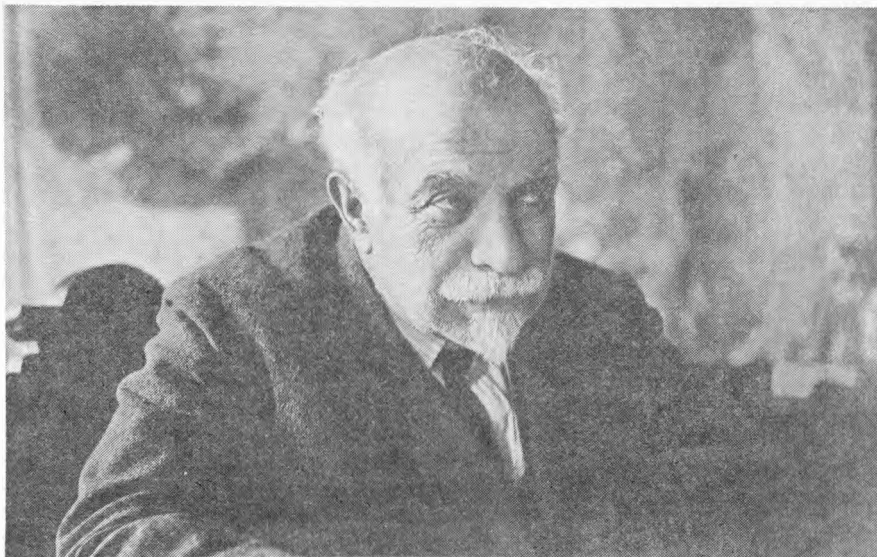


Рис. 1. В. Г. Тан-Богораз

ближе всего примыкал к кругу его политических взглядов и убеждений революционера-народника. «Социальное задание эпохи для последних землевольцев и народовольцев,— писал он,— попавших в далекую ссылку на крайнем северо-востоке, состояло в изучении народностей, разбросанных там, первобытных, полустребленных и почти совершенно неизвестных»². С этого времени началась его научная деятельность.

Уже в 1890 г. Богораз приступил к записи народных песен, былин, сказок, загадок русского населения берегов Колымы. Эти занятия стали для него не только лингвистической, но и этнографической школой, немало способствовавшей затем его последующим успехам. Начатые в 1896 г. публикации полевых записей получили весьма положительную оценку ученых-филологов³. Наряду с чисто филологическими трудами В. Г. Богораз занимался и этнографией приколымского населения, что нужно было ему для работы над составлением «Словаря областного колымского русского наречия», который был по своему характеру толковым словарем и одновременно словарем этнографических терминов. Например: «Градка — грядка собачьей или оленьей нарты, оплетенная поперек задка, для того чтобы было удобнее сидеть. Нарта с градкой для того, чтобы возить седока. Нарта без градки для клади». Или: «Голицы (гойицы) — голые деревянные лыжи. На Колыме лыжами называются только те, которые обтянуты оленьим или конским камусом».

Такие и подобные объяснения — свидетельство наблюдательности, этнографического внимания к явлениям и предметам культуры. По словарным статьям можно проследить линии влияния культур местного населения (юкагиров, чукчей, эвенов и якутов) на русских в материальном производстве, быту и других сторонах жизни. Так, *гинджил* — нижний край шатровой полы (с юкагирского), *гатка* — тесло (с чукотского), *алачики (айачики)* — женская домашняя обувь особого покроя в виде мягких замшевых ноговиц, пришитых к узеньким чиркам из черной кожи (с ламутского), *бадаран* — топь, моховая тряпина, болото широкое и открытое (с якутского) и т. д. и т. п.

В 1894 г. на средства И. М. Сибирякова Восточно-Сибирским отделом Русского географического общества была снаряжена Якутская экспедиция. «Цель ее — изучение быта северных инородцев для выяснения причин вымирания некоторых из них, а также уяснения влияния русских»⁴. В. Г. Богораз пригласили участвовать в этой экспедиции в качестве этнографа. На протяжении почти трех лет (1895—1897 гг.) он всесторонне исследовал язык, общест-



Рис. 2. В. Г. Богораз в экспедиции

венный строй, экономику, быт и культуру чукчей и эвенков, кочевавших по правым притокам Колымы⁵. Здесь же он стал участником первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Сама перепись, ставившая задачи установить численность населения, племенной и родовой состав, распространение родных языков, национальную и религиозную принадлежность, сословный состав и другие данные, явилась хорошим полем для всестороннего ознакомления с культурой народа, социально-экономическими основами его жизни и быта. Как уже говорилось, В. Г. Богораз не имел специальной этнографической подготовки. Поэтому можно считать вполне справедливым его замечание, что в области этнографии он был автодидактом. К этому следует добавить — весьма серьезным, осторожным и требовательным к своим заключениям. Он тщательно контролировал наблюдения и выводы с помощью чукчей благодаря знанию их языка. В ряде длительных поездок его сопровождал чукча Айнанват, оказавший ему «большие услуги для ознакомления с языком и разъяснения различных малопонятных явлений чукотской жизни»⁶. Несмотря на очевидные успехи В. Г. Богораза в изучении языка и этнографии чукчей, он считал свои исследования первых десяти месяцев недостаточно глубокими. «Конечно,— отмечал он,— исследования, произведенные в такой сравнительно короткий срок и на таком обширном и во всех отношениях неразработанном поприще, не могут иметь притязания на полноту ни в одной из затронутых мною отраслей жизни»⁷. Этот период в исследовании чукчей в Колымском крае Богораз рассматривал как предварительную подготовку к «дальнейшему более тщательному исследованию». Так писал он не из ложной скромности: он хорошо видел и понимал сложность раскрывающегося перед ним особого мира производственной деятельности, внутриобщинных отношений, идей и представлений, существовавших тогда у чукчей.

С тех пор как В. Г. Богораз и практически и теоретически освоил чукотский язык, он смог более глубоко проникнуть в особенности мировоззрения чукчей, их религиозные представления, шаманизм, восприятие ими мира окружающих явлений природы и общества. Знание языка, с одной стороны, облегчало его задачи как исследователя, с другой — усложняло их, так как перед ним раскрывался все шире многообразный мир неизведанных, необычных и своеобразных представлений, понятий, видения окружающего. Особое внимание Богораз уделил материальной культуре оленеводов, поразившей его приемами и техникой изготовления орудий труда, способами сопряжения их отдельных элементов, средств передвижения, устройством жилища. Во всем этом он видел

глубокое наследие неолитического времени. Кажущаяся примитивность, простота устройства, ограниченность набора предметов, которыми обходились чукчи, на самом деле — пример добротного приспособления к природно-географическим условиям Севера: они предельно рациональны и практичны и свидетельствуют о большой изобретательности их создателей и умении использовать природные явления. Так, олень — основной источник жизнеобеспечения чукчей — давал пищу, материал для одежды, обуви, жилища, жир для освещения и отопления, рога — материал для деталей нарт, упряжи, для изготовления ряда бытовых предметов, орудий.

Уже в этот период Владимир Германович пришел к непоколебимому убеждению, что никакое основательное изучение культуры того или иного народа невозможно без знания его языка⁸. Позднее это положение он развернул более подробно: «Язык является не только орудием для общения с туземцами без посредства переводчиков, часто небрежных и невежественных, он составляет лучшее средство для познания самой народности — средство безошибочное и точное»⁹. В этом его убеждения вполне совпадали со взглядами и опытом этнографических исследований Л. Я. Штернберга на Сахалине в конце XIX в.¹⁰ К такому же заключению пришел и В. И. Иохельсон, участвовавший с В. Г. Богоразом в Сибиряковской экспедиции в Колымском крае¹¹. Это убеждение, как известно, явилось одним из основных положений ленинградской школы этнографии, которую в 20-х годах нашего столетия возглавляли Л. Я. Штернберг и В. Г. Богораз. На ленинградской конференции этнографов 1929 г. по докладу Богораза «Стационарный метод этнографии» была принята резолюция: «Непременным условием успешной этнографической полевой работы является основательное знание языка изучаемой народности. Лишь знание языка дает возможность полевому этнографу изучить культурные явления в их жизненной конкретности и целостности... Собственное знание языка без ущерба не может быть заменено переводчиком»¹². К сожалению, теперь уже почти забыто это весьма полезное и крайне нужное направление в подготовке этнографов.

По ходатайству Академии наук В. Г. Богоразу было разрешено возвратиться из ссылки досрочно. По пути в Петербург в октябре 1898 г. на заседании Распорядительного комитета Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества Богораз прочитал доклад «Краткий отчет об исследовании чукоч Колымского края»¹³. Отчет убедил слушателей в том, что автор его открыл для науки такие сферы культуры и быта чукчей, которые до этого никем не освещались. Помимо описания маршрутов в отчете содержатся сведения о расселении оленных чукчей, характеристики основных особенностей фонетики и грамматики чукотского языка, сведения о составе собранных им материалов по фольклору чукчей, первые характеристики его жанров. В отчете довольно подробно описаны обряды и верования, семейно-родовые отношения, дана характеристика общественной организации чукчей, правовых норм и др. В Петербурге В. Г. Богораз стал научным сотрудником Музея антропологии и этнографии (МАЭ), подготовил к печати и опубликовал «Очерк материального быта оленных чукчей, составленный на основании коллекций Н. Л. Гондатти». Уже в 1902 г. в журнале «Этнографическое обозрение» появился отзыв проф. А. Н. Максимова, писавшего, что книга В. Г. Богораза «представляет весьма крупный вклад в русскую этнографическую литературу... она впервые дает нам систематическое и строго научное представление о чукчах, о которых в литературе раньше имелись довольно случайные разрозненные сведения... Личное знакомство автора с описываемым народом играло несравненно большую роль, чем изучение собранных другими коллекций, и без него было бы положительно невозможно такое обстоятельное и отчетливое описание, какое мы имеем в настоящей книге ... Правильнее было бы сказать, что книга составлена преимущественно на основании личных наблюдений, а коллекции этнографического музея послужили для нее лишь материалом для иллюстраций»¹⁴.

Подготовка к печати этой работы проводилась в весьма напряженной обстановке, так как Министерство внутренних дел не разрешило В. Г. Богоразу проживать в Петербурге.

По инициативе акад. В. В. Радлова Историко-филологическое отделение Академии наук возбудило ходатайство о разрешении В. Г. Богоразу временно проживать в Петербурге, пока он не закончит занятия по разбору этнографических коллекций и изданию собранных им материалов. Министр внутренних дел Д. С. Сипягин разрешил проживание в Петербурге только в течение четырех месяцев (с 1 января по 1 мая 1899 г.). За это время В. Г. Богоразом был подготовлен ряд работ по языку, фольклору и этнографии¹⁵, прошедших предварительную апробацию комиссией в составе академиков В. В. Радлова, В. И. Васильева, К. Г. Залемана, А. А. Куника и В. Р. Розена¹⁶.

Таким образом, уже к началу 1899 г. В. Г. Богораз зарекомендовал себя как хороший знаток языка и этнографии чукчей. Поэтому, когда организатор Северо-Тихоокеанской экспедиции Джексона антрополог и лингвист Ф. Боас обратился в Петербургскую Академию наук к акад. В. В. Радлову с просьбой рекомендовать ему русских ученых, которые могли бы заняться изучением народностей Северо-Востока Сибири, то В. В. Радлов одним из первых назвал имя В. Г. Богораза как вполне подготовленного исследователя. Эта совместная американо-русская экспедиция ставила цель выяснить отношения и связи между коренным населением Тихоокеанского побережья Северо-Западной Америки и Северо-Востока Сибири. В. Г. Богораз был назначен руководителем Анадырского отряда Северо-Тихоокеанской экспедиции. Его непосредственной задачей было этнографическое, лингвистическое и антропологическое изучение чукчей, сибирских эскимосов, отчасти коряков и ительменов. И в этой экспедиции В. Г. Богораз значительную часть времени уделил изучению языков и их диалектов, что давало ему возможность выявить этнокультурные признаки изучаемых народностей. За год он проделал большую и весьма плодотворную работу, протекавшую в необычной для научной деятельности обстановке. В течение года Владимир Германович находился почти все время в пути, стойчески перенося всевозможные лишения и неудобства трудного путешествия, при почти полном отсутствии условий для ведения записей. К тому же местные власти чинили ему всяческие помехи. Дело в том, что министр внутренних дел, шеф жандармов Д. С. Сипягин одновременно подписал два документа: один — «открытый лист», в котором на местные власти возлагалась обязанность оказывать В. Г. Богоразу содействие, другой — секретный циркуляр, адресованный тем же властям, в котором они уведомлялись, что «ввиду прежней противоправительственной деятельности Богораза и Иохельсона оказание им какого-либо содействия по возложенным на них ученым трудам представляется совершенно несоответственным», и, кроме того, предложил учредить «за деятельностью и сношениями означенных лиц негласное наблюдение».

Прибыв на пароходе в Анадырь (тогда пост Новомариинск) в июне 1900 г., он сразу же приступил к изучению чукчей. В течение лета объехал на карбасе стойбища оленних чукчей, выйдя на летовку на берега Анадырского лимана. В конце октября через с. Марково Богораз выехал на собаках в с. Каменское, а затем и на Камчатку. На этом пути он ознакомился почти со всеми группами оседлых коряков и ительменов. Обрато он проехал через поселки кереков.

Не задержавшись долго в Новомариинске, В. Г. Богораз уже в апреле выехал на собаках на север, по пути изучая чукотское и эскимосское население этой части Тихоокеанского побережья Чукотки. В мае 1901 г. он приехал в с. Чаплино, где пробыл, с перерывами для поездки на о. Святого Лаврентия, до 7 июня, после чего на байдере возвратился в пост Новомариинский, откуда проследовал пароходом во Владивосток, а затем выехал в Америку для работы и подготовки к публикации собранных материалов. Полученные во время этой поездки данные, весьма обширные по своему объему и характеру, легли

в основу его последующих трудов по чукотско-корякской группе языков, фольклору и этнографии, по выявлению сравнительных данных для выделения общих и особенных черт культуры чукчей, территориальных подразделений коряков и ительменов, а также сибирских эскимосов и эскимосов Тихоокеанского побережья Америки. Научным итогом этой и предыдущей экспедиций явилась фундаментальная монография «The Chukchee» в четырех частях, вышедшая в Америке на английском языке в 1904—1910 гг.¹⁷

Сам В. Г. Богораз в 1934 г. в предисловии к авторизованному переводу первой части труда «Чукчи» писал: «Моя монография о чукчах мне кажется во многих местах устарелой, и я мог бы теперь изменить самый метод анализа. Я, однако, предпочел напечатать мой основной текст без всяких изменений в качестве исторического материала, написанного и изданного тридцать лет назад»¹⁸.

Монография В. Г. Богораза получила заслуженно высокую оценку и признание как русских, так и зарубежных этнографов. В предисловии к русскому переводу Я. П. Алькор, редактор книги совершенно справедливо отмечал: «Несмотря на то, что „Чукчи“ написаны в начале XX века и покоятся на материалах конца XIX века, они сохранили свое значение и в настоящее время, ибо сейчас нет другой работы, которая с такой обстоятельностью дала бы картину материального быта, религиозных верований и отчасти социального строя чукоч»¹⁹.

Названные работы важны для нас как обстоятельное всеохватывающее описание жизни чукчей конца XIX — начала XX в. Они являются также весьма ценным, порой единственным источником при исследовании истории и этнографии чукчей. Ни один исследователь прошлого и настоящего чукчей и вообще народов Северо-Востока Сибири не может обойтись без этих капитальных трудов В. Г. Богораза.

Значителен вклад В. Г. Богораза и в изучение языков народов Севера. И в этой области науки проявились талант и дарование ученого. В языкознании, как и в области этнографии, он не имел предварительной подготовки. Поражает его точное проникновение в строй чукотского языка, сложные фонетические закономерности, грамматическую систему. И в этой области ученый шел по непроторенной дороге. Предшественников у него не было. Кроме чукотского он исследовал диалекты корякского, ительменский, в значительной мере язык азиатских эскимосов в сопоставлении с эскимосскими языками Америки, Канады и Гренландии, отчасти эвенский. Владимир Германович справедливо считается основоположником научного исследования чукотской группы языков. Он создал научно-теоретическую базу для дальнейших исследований палеоазиатских языков. В наше время его труды использованы в практике создания письменности и литературы на этих языках. Его глубокие и разносторонние знания культуры и языков народностей Северо-Востока нашли широкое применение, чему он был искренне рад. В 1934 г. В. Г. Богораз писал: «Изучение чукоч было, можно сказать, делом моей жизни. Кроме научной работы, оно давало мне темы также для повестей и романов и даже для стихов. Но во всю предыдущую эпоху оно имело значение исключительно теоретическое.

Только революция и новое советское строительство дали другое, практическое задание и открыли возможность на склоне моей жизни работать для возрождения тех отдаленных народностей, среди которых я провел лучшую часть моей молодости»²⁰.

Публикации лингвистических работ В. Г. Богораза несколько задержались. В 1909 г. появилась статья «Материалы для изучения языка азиатских эскимосов»²¹. В 1913 г. в Нью-Йорке были изданы тексты сказок эскимосов Сибири²². К этому же времени относится завершение работы по составлению сборника текстов на диалектах корякского языка²³ и основной работы по сравнительной фонетике, морфологии, словообразованию и словоизменению чукотского, корякского и ительменского языков²⁴. Эти труды начали печатать

в 1914 г., вышли в свет они с большим запозданием: первый — в 1917 г., второй — только в 1922 г.

В советское время В. Г. Богоразом были опубликованы статьи «Луораветланский (чукотский) язык» и «Юитский (азиатско-эскимосский) язык» (1934 г.)²⁵, «Луораветланско-русский словарь» (1937 г.)²⁶. В 1949 г. изданы «Материалы по языку азиатских эскимосов»²⁷, хранящиеся в фонде В. Г. Богораза в Архиве Академии наук СССР.

Показателем научной культуры В. Г. Богораза служат записи фольклорных текстов на чукотском, корякском и эскимосском языках, подстрочные переводы к ним, примечания. Все это выполнено тщательно, безукоризненно точно. И эти труды его признаются образцовыми, служат примером для подражания, школой для этнографов и фольклористов.

Вместе с Л. Я. Штернбергом и В. И. Иохельсоном В. Г. Богораз был одним из основателей Русского отделения Союза американистов. Начиная с 1902 г. Богораз принимает участие в конгрессах американистов. В том же году в «American Anthropologist» была опубликована его статья «Фольклор Северо-Восточной Азии в сравнении с фольклором Северо-Западной Америки»²⁸. В 1919 г. появилась статья «О так называемом языке духов (шаманском) у разных ветвей эскимосского племени»²⁹. С восстановлением работы конгрессов американистов, которая была прервана первой мировой войной, он снова принимает в них участие. Как и прежде, Богораз исследует проблему древних переселений эскимосов между Азией и Америкой, что отражено в соответствующих публикациях: «Новые задачи российской этнографии в полярных областях»³⁰, «Древние переселения народов в Северной Евразии и в Северной Америке»³¹, «Новые данные к вопросу о протоазиатах»³², «Древнейшие элементы в языке азиатских эскимосов»³³, «Н. Я. Марр о происхождении американского человека»³⁴, «Основные типы фольклора Северной Евразии и Северной Америки»³⁵. Последней работой в области американистики явилась его статья «Социальный строй американских эскимосов»³⁶. Вопросам взаимосвязи эскимосских языков была посвящена подготовленная им рукопись «Опыт грамматики наречия айванов; азиатских эскимосов, сравнительно с другими эскимосскими наречиями»³⁷.

Значителен вклад В. Г. Богораза в исследование происхождения и развития ранних форм религии и шаманизма, составляющее особый раздел его научной деятельности. Обстоятельный обзор трудов В. Г. Богораза в области религиоведения сделан М. И. Шахновичем в его содержательной работе «Советский историк религии В. Г. Богораз-Тан»³⁸, к которой и отсылаем читателя.

Менее удачными оказались труды В. Г. Богораза по общим вопросам этнографии. Он был увлекающимся человеком, внимательно прислушивался ко всему современному, быстро схватывал свежие веяния в науке и искал приложения новых теорий к исследованиям явлений этнографии, что, однако, не всегда сопровождалось успехом. Таковы «Эйнштейн и религия. Применение принципов относительности к исследованию религиозных явлений» (М.: Пгр., 1923); «К вопросу о графическом методе анализа элементов этнографии и этногеографии» (Этнография. 1928. № 1); «Распространение культуры на земле. Основы этнографии» (М.; Л., 1928); «Христианство в свете этнографии» (М.; Л., 1928) и др.

Увлечение новыми идеями сказалось и на художественной прозе Владимира Германовича. Под влиянием научных идей К. Э. Циолковского Богораз написал роман «Перед взрывом»³⁹. Впрочем, увлечение этим жанром могло быть навеяно и романами Г. Д. Уэллса, переводом произведений которого на русский язык он занимался, тщательно изучая творческую деятельность знаменитого фантаста для вводной статьи к собранию его сочинений.

В ряду многообразной научной и общественно-политической деятельности Владимира Германовича особое место занимает литературное творчество. Оно зародилось на Севере, на Колыме, где были написаны первые рассказы

о чукчах. Всю последующую жизнь Богораз не прерывал литературных занятий. При этом его произведения идейно и тематически строились на глубоком и разностороннем знании жизни и исторических судеб аборигенов Северо-Востока Сибири. В них он черпал творческое вдохновение, социальные идеи⁴⁰. Собрание сочинений В. Г. Тана в 10 томах вышло в свет в 1910—1911 гг. Его литературные произведения также пользовались большим вниманием современников. Они вошли в первую серию «Всемирной библиотеки собрания сочинений знаменитых русских и иностранных писателей». «Чукотские рассказы», вышедшие в свет в 1900 г., сразу вызвали интерес писателей-демократов. На их появление откликнулся М. Горький. «Автор выступил, — писал он, — открывателем новой темы в русской литературе, знатоком материальной и духовной культуры чукчей, ... он создал психологически убедительные и художественно пластичные произведения»⁴¹. Новизну тематики, этнографичность содержания «Чукотских рассказов» отметил в своей рецензии В. Г. Короленко⁴². Этими рассказами очень интересовался А. П. Чехов⁴³.

Широкий отклик читателей вызвал роман «Восемь племен» (1902 г.), написанный на этнографическом материале. Его тема — сложности первобытной жизни народов Северо-Востока Сибири. Лестный отзыв о романе высказал автору акад. А. А. Шахматов⁴⁴. Столь же этнографичен по материалу и содержанию роман «Жертвы дракона» (1909 г.). О нем писал в 1929 г. акад. С. Обручев: «Получилась чрезвычайно интересная реконструкция возможного (или воображаемого?) быта, обычаев, легенд первобытного человека». Современная писателю критика ставила «Жертвы дракона» на один уровень с такими популярнейшими произведениями на сходную тему, как «До Адама» Джека Лондона и «Борьба за огонь» Рони-старшего⁴⁵.

Свою привязанность к художественной прозе Владимир Германович сохранял всю жизнь. В конце 20-х годов был опубликован роман «Союз молодых» о ссылке, революции и гражданской войне на Севере. В 1935 г. вышел в свет роман «Воскресшее племя», посвященный уже социалистическим преобразованиям в жизни юкагиров. Богато поэтическое творчество В. Г. Богораза. Его революционные стихи, написанные в 1905—1907 гг., вошли в песенный репертуар нашего времени⁴⁶.

Человек большой смелости, неутомимого трудолюбия, энергии, самоотверженно отдававший политической деятельности, В. Г. Богораз в то же время не отличался последовательной принципиальностью, довольно легко менял свою принадлежность к тем или иным политическим течениям. При этом, однако, он всегда был решительно настроен против самодержавия, помещиков, в защиту крестьян, демократических свобод, порой очень шумно выражая свои взгляды. Начал он революционный путь с участия в работе южной группы «Народной воли». Был одним из активных организаторов Екатеринославского съезда этой партии. С отъездом в 1901 г. в Америку его революционные связи прервались. В 1904 г. по возвращении в Россию он снова включился в политическую жизнь и принял участие в организации «Всероссийского крестьянского союза» и Трудовой группы Государственной думы. В дни революции 1905 г. Владимир Германович активно участвовал в работе подпольных газет военной организации РСДРП «Казарма», «Голос солдата» и других изданий. «7 июня 1905 г., — как сообщается в „Истории большевистской организации Костромы“, — в помещении общественного собрания выступал известный ученый и писатель В. Г. Тан-Богораз, охарактеризовавший революционную обстановку в России»⁴⁷. В 1906 г. он стал одним из первых членов «Трудовой» (народно-социалистической) партии, в которую входили правые эсеры, выступавшие в блоке с кадетами. Говоря о газете «Родная земля», В. И. Ленин отметил, что «Направление этой газеты, несомненно, левее кадетского. По всем данным можно назвать это направление трудовическим. Как на документальное подтверждение такой политической характеристики можно указать на сотрудничество в этой газете г. Тана. Г. Тан значится в опубликованном списке членов организационного

комитета „Трудовой (народно-социалистической) партии“⁴⁸. В статье «Новая демократия», напечатанной в «Правде» (19 января 1913 г.), В. И. Ленин снова пишет о Тане, цитируя большую выдержку: «„В пестрых встречах“ новогоднего номера „Речи“ г. Тан затронул важный вопрос, на который рабочим следует обратить серьезное внимание. Это — вопрос о росте новой демократии»⁴⁹.

Эти замечания В. И. Ленина — свидетельства политической известности В. Г. Богораза (Тана), адекватного понимания им общественных процессов того времени в России.

Во время первой мировой войны В. Г. Богораз стал оборонцем. Ушел добровольно в армию, где был начальником одного из санитарных отрядов Союза городов. Публиковал в столичных газетах патриотические очерки. С некоторой задержкой он понял и принял Октябрьскую революцию, признав свои прежние ошибки и показав, как прежний революционер, потом беллетрист, ненасытный художник, гражданин мира стал «патриотом, малодушным обывателем». Революция, считал он, «очистила старое судно», чтобы оно смогло подняться и «надуть паруса».

Владимир Германович всегда находится в среде демократически настроенных литераторов Петрограда. Общительный, остроумный собеседник, он охотно поддерживал коллективные начинания общественного значения. В 1918 г. Богораз участвует в работе «Первой Всероссийской школы журнализма», открытой для обучения новых кадров газетных работников. К чтению лекций в этой школе были привлечены ученые, писатели, поэты, журналисты, в том числе А. И. Куприн, П. П. Гнедич, Ф. Г. Сологуб, А. А. Блок, В. Г. Богораз-Тан и многие другие. Он часто бывал у Куприна, где его называли «сибирским бродягой» и с удовольствием слушали его «блестящие рассказы»⁵⁰.

Активное присоединение к общественным движениям не всегда сопровождалось у В. Г. Богораза взвешенной оценкой их политического направления. В 1920 г. он стал «сменовеховцем», примкнув к той группе, которая взяла курс на сотрудничество с советской властью.

В 1918 г., после длительного перерыва, Владимир Германович снова приступил к работе в МАЭ. Он постепенно переключался все больше на научную, преподавательскую и общественную работу, связанную с этнографией народов Советского Севера. Никогда не порывая связей с современностью, он такое отношение к жизни прививал и молодежи. Организация студенческих этнографических экскурсий и изданий, посвященных изучению быта послереволюционной деревни, — яркое тому подтверждение. Один перечень студенческих этнографических публикаций, вышедших под его руководством, говорит о тесной связи ученого с жизнью. Таковы «Революция в деревне» (два выпуска — 1924 и 1925 гг.), «Старый и новый быт» (1924 г.), «Обновленная деревня» (1925 г.), «Комсомол в деревне» (1926 г.) и др.

Богораза глубоко беспокоили судьбы малочисленных народностей Севера. В 1923 г. он выступил на коллегии Наркомнаца с докладом «Об изучении и охране окраинных народов». Следствием этого явилось создание Комитета содействия малым народностям Севера при Президиуме ВЦИК. В связи с преобразованием в 1925 г. Ленинградского географического института в Этнографо-географический факультет при Ленинградском университете В. Г. Богораз выступил на пленуме Комитета Севера с предложением организовать при факультете северный цикл и рабфак, что и было сделано. При его активном участии в 1930 г. был создан Институт народов Севера, а при нем — Научно-исследовательская ассоциация. Ученый вел большую научно-педагогическую работу по подготовке кадров языковедов и этнографов-североведов, по налаживанию преподавания северных языков, этнографии, фольклора народов Сибири в высших учебных заведениях (Северное отделение пединститута им. А. И. Герцена, Северное отделение Ленинградского историко-филологического института, Института народов Севера).

В 1932 г. в системе Академии наук СССР в Ленинграде под его руко-

водством был основан Музей истории религии и атеизма, директором которого он был до своей кончины.

Глубокое понимание современных требований проявил Владимир Германович, когда встал вопрос о создании письменности на языках народностей Севера. Он встретил это решение с энтузиазмом и, несмотря на большую занятость, принял непосредственное участие в этом деле.

Весь советский период жизни В. Г. Богораза отличает замечательная черта — постоянное стремление связать свою научную и общественную деятельность с решением насущных задач социалистического строительства на Севере. О нем можно сказать, что свои знания этнографии и языков он поставил на службу культурному развитию народностей Севера.

Неизгладим глубокий след, оставленный Владимиром Германовичем Богоразом в русской и советской этнографии, в русском и советском языкознании; вызывает добрые чувства его искреннее и самоотверженное участие в развитии революционного движения в России.

Примечания

¹ *Shternberg L. Ya. The Chukchee*, by W. Bogoraz // *Amer. Anthropol.* 1905. V. 7. N 2. P. 320—324; *Штернберг Л. Я. Тихий океан. Русские научные исследования*. Л., 1926. С. 147—172; *Кагаров Е. Г. В. Г. Богораз в зарубежной критике* // *Сов. этнография*. 1935. № 4—5. С. 233—235; *Алькор Я. П. В. Г. Богораз-Тан* // Там же. С. 5—37, *его же. Предисловие редактора* // *Богораз В. Г. Чукчи*. Л., 1934. Ч. I. С. III—XII; *Зеленин Д. К. В. Г. Богораз — этнограф и фольклорист* // *Памяти В. Г. Богораза (1865—1936)*: Сб. статей. М.; Л., 1937. С. V—XVIII; *Францев Ю. П. Памяти В. Г. Богораза* // *Сов. фольклор*. М., 1936. № 4—5. С. 50—57; *его же. Предисловие редактора* // *В. Г. Богораз. Чукчи. Религия*. Л., 1939. II. С. III—VIII; *Иванов С. В. Памяти В. Г. Богораза* // *Сов. этнография*. 1946. № 3. С. 3—8; *Вдовин И. С. В. Г. Богораз как исследователь языков народов Северо-Востока* // *На Севере дальнем*. Магадан, 1957. Кн. 6. С. 174—188; *его же. В. Г. Богораз — исследователь языков и культуры народов Северо-Востока Сибири (К столетию со дня рождения)* // *Сов. этнография*. 1965. № 3. С. 70—78; *Воскобойников М. Г. Владимир Германович Тан-Богораз* // *На Севере Дальнем*. Магадан, 1965. № 1 (26). С. 105—126; *Шахнович М. И. Советский историк религии В. Г. Богораз-Тан (К столетию со дня рождения)* // *Вопросы преодоления религиозных пережитков в СССР*. М.; Л., 1966. С. 269—297; *Беликов Л. В. В. Г. Богораз как собиратель и исследователь чукотского фольклора* // *Уч. зап. ЛПИ им. А. И. Герцена*. 1967. Т. 353. С. 80—89; *Кулешова Н. Ф. В. Г. Тан-Богораз. Жизнь и творчество*. Минск, 1975. 112 с.

² *Богораз В. Г. Чукчи*. Ч. I. С. XIII.

³ См. Новые записи былин в Якутской области // *Этнографическое обозрение*. 1896. № 2. С. 73—106.

⁴ Годовые отчеты РГО. Отчет за 1894. СПб., 1895. С. 32—33.

⁵ *Вдовин И. С. В. Г. Богораз как исследователь языков народов Северо-Востока*. С. 174—188.

⁶ *Богораз В. Г. Краткий отчет об исследовании чукотского фольклора Колымского края*. Иркутск, 1899. С. 8. // *Изв. Вост. Сиб. отд. Русского геогр. об-ва (далее — ВСОРГО)*. Т. XXX. Вып. I. Иркутск, 1899. С. 8.

⁷ Там же. С. 3.

⁸ *Богораз В. Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе*. СПб., 1901. Ч. I. С. 1.

⁹ *Богораз В. Г. Л. Я. Штернберг как фольклорист* // *Сборник памяти Л. Я. Штернберга*. Л., 1930. С. 85.

¹⁰ *Штернберг Л. Я. Материалы по изучению гильяцкого языка и фольклора*. СПб., 1909. С. VIII.

¹¹ *Иохельсон В. И. Предварительный отчет об исследовании инородцев Колымского и Верхоянского округов* // *Изв. Вост.-Сиб. отд.-ние Рус. географ. о-ва* // *Изв. ВСОРГО*. 1898. Т. XXIX. Вып. I. С. 25—26.

¹² *Этнография*. 1929. № 2. С. 124—125.

¹³ *Богораз В. Г. Краткий отчет об исследовании чукотского фольклора Колымского края* // *Изв. ВСОРГО*. 1899. Т. XXX. Вып. I. С. 1—51.

¹⁴ *Максимов А. [рецензия]* // *Этнографическое обозрение*. 1902. № 2. С. 165.

¹⁵ *Богораз В. Г. Образцы материалов по изучению чукотского языка и фольклора* // *Изв. АН. Т. X. № 3*. СПб., 1899. С. 269—318; *его же. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе*. Ч. I. СПб., 1900. XXXVI+417 с.; *его же. Очерк материального быта оленных чукчей, составленный на основании коллекций Н. Л. Гондатти*. СПб., 1901. 67+XXV с.; *его же. Ламуты* // *Землеведение*. 1990. № 1. С. 59—72.

¹⁶ Протокол № 1 заседания историко-филологического отделения от 13 января 1899 г. СПб., 1899.

- ¹⁷ Bogoras W. The Chukchee. Material Culture. The Jesup North Pacific Expedition. Leiden; New York, 1904. V. VII. Pt. I. 276 p.: *Idem*. The Chukchee. Religion // *Idem*. 1907. V. XII. Pt II. // P. 277—536. *Idem*. The Chukchee. Social Organization // *Idem*. 1909. V. XVIII. Pt III. P. 537—733; *Idem*. The Chukchee. Mythology // *Idem*. 1910. V. VIII. Pt I. 197 p.
- ¹⁸ Богораз-Тан В. Г. Чукчи. Ч. I. С. XIV.
- ¹⁹ Там же. С. V.
- ²⁰ Там же. С. XXX.
- ²¹ Живая старина. СПб., 1909. Вып. 2—3. В 1910 г. эта статья под тем же названием вышла отдельной брошюрой в 1910 г.
- ²² Bogoras W. The Eskimo of Siberia // The Jesup North Pacific Expedition. N. Y., 1913. V. VIII. P. III.
- ²³ Bogoras W. Koryak Texts // Publications of American Ethnological Society. V. 5. N. Y., 1917.
- ²⁴ Bogoras W. Chukchee // Handbook of American Indian Languages. Washington, 1922.
- ²⁵ Богораз В. Г. Луораветланский (чукотский) язык. Юитский (азиатско-эскимосский) язык // Языки и письменность народов Севера. М., Л., 1934. Ч. III.
- ²⁶ Богораз В. Г. Луораветланско-русский словарь. М.; Л., 1937.
- ²⁷ Богораз В. Г. Материалы по языку азиатских эскимосов. Л., 1949.
- ²⁸ Amer. Anthropol. 1902. N. S. V. 4.
- ²⁹ Изв. АН. 1919. VI сер. Т. XIII. № 8—11.
- ³⁰ Proceedings of the XXI International Congress of Americanists. First Part, Held at the Hague. 1924.
- ³¹ Сб. МАЭ. Л., 1927. VI.
- ³² Изв. ЛГУ. Л., 1928. Т. I.
- ³³ Сб. АН СССР. Академику Н. Я. Марру. М.; Л., 1935.
- ³⁴ Сов. этнография. 1935. № 1.
- ³⁵ «Советский фольклор». 1936. № 4—5.
- ³⁶ Тр. Ин-та антропологии, археологии и этнографии. М.; Л., 1936. Т. IV.
- ³⁷ Материалы по языку азиатских эскимосов. Л., 1949.
- ³⁸ Шахнович М. И. Советский историк религии В. Г. Богораз-Тан // Вопросы преодоления религиозных пережитков в СССР. М.; Л., 1966. С. 269—297.
- ³⁹ Кулешова Н. Ф. Указ. раб. Минск, 1975. С. 102.
- ⁴⁰ Богораз-Тан В. Г. Чукчи. Ч. I. С. XXX.
- ⁴¹ Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь. I. А—Г. М., 1989. С. 300.
- ⁴² Короленко В. Г. Тан. Чукотские рассказы (рец.) // Полн. собр. соч. Т. IX. СПб., 1914.
- ⁴³ Чехов А. П. Собр. соч. Т. XII. М., 1957. С. 373.
- ⁴⁴ ЛО ААН СССР. Ф. 250. Оп. 4. № 369.
- ⁴⁵ Муравьев Вл. Владимир Германович Тан-Богораз (1865—1936) // Тан (В. Г. Богораз). Восемь племен. Чукотские рассказы. М., 1962. С. 23.
- ⁴⁶ Об этом подробнее см. во вступительной статье А. Дымшица // Революционная поэзия. Л., 1954. (Б-ка поэта. Б. С.)
- ⁴⁷ Бочков В. Н., Тороп К. Г. Путеводитель. Кострома. Ярославль, 1970. С. 108—109.
- ⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. II. С. 416.
- ⁴⁹ Там же. Т. 18. С. 488.
- ⁵⁰ Фонякова Н. Н. Куприн в Петербурге — Ленинграде. Л., 1985. С. 50, 195—196.